

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ О ДУШЕ
ВОПРОС ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Четырнадцатый вопрос о бессмертии человеческой души. И кажется, что она разрушима.

1. Ведь сказано в Екклесиасте (3, 19) "...одна гибель человека и скотов и равна у них участь". Но когда скот умирает, умирает и его душа. Следовательно, когда человек умрет, то душа его разрушится.

2. Кроме того, разрушимое и неразрушимое различаются по роду, как говорится в десятой книге "Метафизики"¹. Но человеческая душа и душа скота не различаются по роду; поэтому и человек не отличается по роду от скота. Следовательно, человеческая душа и душа скота не отличаются в отношении разрушимости и неразрушимости. Но душа животных разрушима. Следовательно, человеческая душа не есть неразрушимая.

3. Кроме того, Дамаскин говорит, что ангел получает бессмертие по благодати, а не по природе. Но ангел не ниже души. Следовательно, душа не бессмертна по природе.

4. Кроме того, Философ доказывает в восьмой книге "Физики", что перводвижущее обладает бесконечной способностью, поскольку движет в течение бесконечного времени². Таким образом, если бы душа обладала способностью длиться бесконечное время, то следовало бы, что ее способность бесконечна; но бесконечная способность не существует в конечной сущности. Поэтому, если душа неразрушима, следует, что сущность души бесконечна. Но это невозможно, поскольку только божественная сущность бесконечна. Следовательно, человеческая душа разрушима.

5. Однако сказано, что душа неразрушима не по собственной ее сущности, но благодаря божественной способности. Но против этого: то, что не надлежит чему-либо по его собственной сущности, то не принадлежит ему сущностно. Но когда "разрушимое" и "неразрушимое" сказывается о чем-либо, то осуществляется сущностная предикация, как говорит Философ в десятой книге "Метафизики". Следовательно, если душа неразрушима, то надлежит, чтобы она была неразрушимой по своей сущности.

6. Кроме того, все, что есть, – либо разруσιμο, либо неразруσιμο. Таким образом, если душа по своей природе не неразрушима, следует, что она по своей природе разрушима.

7. Кроме того, все неразрушимое имеет способность быть всегда. Таким образом, если бы человеческая душа была бы неразрушима, то следовало бы, что она имела способность быть всегда. Следовательно, она не имела бы бытия после не-бытия; что противоречит вере.

8. Кроме того, Августин говорит, что как Бог есть жизнь души, так и душа есть жизнь тела. Но смерть есть лишение жизни. Следовательно, в результате смерти происходит лишение и отнятие души.

9. Кроме того, форма имеет бытие только в том, что *есть*. Таким образом, если душа есть форма тела, то она может быть только в теле. Следовательно, она уничтожается, когда уничтожается тело.

10. Но сказано, что это истинно о душе, согласно тому, что она есть форма, а не согласно ее сущности. Но против этого: душа не есть форма тела акцидентально, иначе последовало бы, что поскольку душа формирует человека согласно тому, что она есть форма тела, человек был бы сущим акцидентально. То же, что надлежит чему-либо не акцидентально, подобает ему согласно его сущности. Следовательно, душа есть форма согласно ее сущности. Следовательно, если она разрушима согласно тому, что она – форма, то и согласно своей сущности она будет разрушимой.

11. Кроме того, две [вещи], сходящиеся в одно бытие, так соотносятся, что если разрушается одна, то разрушается и другая. Но душа и тело сходятся в одно бытие, а именно в бытие человека. Следовательно, когда разрушается тело, то разрушается и душа.

12. Кроме того, душа чувственна и душа разумная суть одно согласно субстанции в человеке. Но душа чувственная разрушима. Следовательно, и разумна.

13. Кроме того, форма должна быть пропорциональной материи. Но человеческая душа в теле – как форма в материи. Таким образом, если тело разрушимо, то и душа будет разрушима.

14. Кроме того, если душа может отделяться от тела, то надлежит, чтобы было некое ее действие без [участия] тела, поскольку никакая субстанция не тщетна. Но никакое действие не может принадлежать душе без тела, и даже познание, о котором это очевидно более всего, – поскольку нет познания без фантазмов [= чувственных образов], как говорит Философ⁴, фантазмов же нет без тела. Следовательно, душа не может отделяться от тела, но разрушается, когда разрушается тело.

15. Кроме того, если бы человеческая душа была неразрушима, то это было бы лишь постольку, поскольку она познающая. Но кажется, что познание не подходит ей, поскольку то, что является высшим в низших природах, подражает некоторым образом действию высшей природы, но не достигает его. Так и обезьяна подражает некоторым образом действию человека, но, однако, не достигает его. И, сходно, кажется, что если человек есть высшее в порядке материальных вещей, то он подражает некоторым образом действию отделенных интеллектуальных субстанций, каковое есть познание, но не достигает его. Таким образом, нет никакой необходимости полагать, что душа человека бессмертна.

16. Кроме того, действие, присущее виду, принадлежит либо всем, либо большему числу из тех, кто относится к виду. Но наименьшее число из людей достигают познания. Следовательно, познание не есть собственное действие человеческой души; и, таким образом, не надлежит, чтобы человеческая душа была неразрушимой на основании интеллектуальности.

17. Кроме того, Философ говорит в первой книге “Физики”, что все конечное исчерпывается, если постоянно отделять некоторое ко-

личество⁵. Но природное благо души – конечное благо, следовательно, когда из-за некоторого прегрешения уменьшается природное благо человеческой души, то кажется, что оно наконец полностью уничтожится; и, таким образом, человеческая душа когда-либо разрушится.

18. Кроме того, при бессилии тела душа лишается сил, как ясно из ее действий. Следовательно, и при разрушении тела душа разрушается.

19. Кроме того, все, что происходит из ничего, может возвратиться в ничто. Но человеческая душа сотворена из ничего. Следовательно, она может обратиться в ничто. И, таким образом, следует, что душа разрушима.

20. Кроме того, когда сохраняется причина, сохраняется и следствие. Но душа есть причина жизни тела. Следовательно, если душа сохраняется всегда, то кажется, что тело живет всегда; что, очевидно, ложно.

21. Кроме того, все, что субсистирует само по себе есть “это нечто”, размещенное в роде или виде. Но человеческая душа, как кажется, не есть “это нечто” и не размещается в роде или виде как индивидуум или вид, поскольку она есть форма (т.е. только часть индивида, составленного из души и тела. – *Пер.*); бытие же в роде или виде приличествует составному, а не материи и не форме (разве что в несобственном смысле). Следовательно, человеческая душа не есть субсистирующее само по себе; и таким образом, когда разрушается тело, она не может сохраняться.

Но против:

1. То, что говорится в книге Премудрости, 2, [23]: Бог сотворил человека неуничтожимым и сотворил его по своему образу и подобию, из чего можно принять, что человек неуничтожим, то есть неразрушим, согласно тому что он есть по образу Бога. По образу же Бога он благодаря душе, как говорит Августин в книге “О Троице”. Следовательно, человеческая душа неразрушима.

2. Кроме того, все, что разрушается, обладает противоположностями или состоит из противоположностей. Но человеческая душа всецело без противоположностей, поскольку даже те [вещи], которые противоположны в себе, в душе не противоположны, ведь смыслы противоположных [вещей] в душе не противоположны. Следовательно, душа неразрушима.

3. Кроме того, небесные тела называются неразрушимыми, поскольку не имеют возникающей и уничтожающейся материи. Но человеческая душа всецело нематериальна; что ясно из того, что она воспринимает виды вещей нематериальным образом. Следовательно, душа неразрушима.

4. Кроме того, Философ говорит, что интеллект, будучи вечным, отделяется от того, что разруσιμο⁶; интеллект же есть часть души, как говорит он же. Следовательно, человеческая душа неразрушима.

Отвечаю. Следует сказать: необходимо, чтобы человеческая душа была всецело неразрушимой. Для очевидности этого нужно принять во внимание, что следующее чему-либо сущностным образом (*per se*) не может отделяться от него, как, например, от человека не может отделяться то, что он – живое существо, или от числа то, что оно четное или

нечетное. Но ясно, что сущностное бытие следует форме: ведь каждая вещь имеет бытие согласно собственной форме, поэтому бытие никоим образом не может отделяться от формы. Таким образом, составное из материи и формы разрушается из-за того, что отнимается форма, которой следует бытие. Сама же по себе форма не может разрушаться, но разрушается акцидентально, когда разрушается составное, поскольку составному недостает бытия, которое происходит из-за формы (разве что если существует такая форма, которой присуще бытие не иначе как на основании составного).

Следовательно, если есть некая форма, которая обладает бытием, то необходимо, чтобы эта форма была неразрушима. Ведь не отделяется бытие от того, что обладает бытием, иначе как из-за того что от него отделяется форма; поэтому если то, что обладает бытием, само есть форма, то невозможно, чтобы от него отделялось бытие. Ясно, что начало, на основании которого человек познает, есть форма, имеющее бытие в себе, а не только из-за того, что нечто [составное] существует. Познание же, как доказывает Философ в третьей книге “О душе”, не есть действие, исполняемое телесным органом, – ведь невозможно обнаружить некий телесный орган, который был бы восприимчив ко всем чувственно воспринимаемым природам; прежде всего потому, что воспринимающему надлежит быть лишенным воспринимаемой природы, как, например, зрачок лишен цвета⁷. Всякий же телесный орган обладает некоторой чувственно воспринимаемой природой. Интеллект же, посредством которого мы познаем, постигает все чувственно воспринимаемые природы; поэтому невозможно, чтобы его действие, которое есть познание, исполнялось каким-либо телесным органом. Из этого становится ясно, что интеллект сам по себе обладает действием, в котором тело не принимает участия. Ведь нечто действует согласно тому, что оно есть: то же, что само по себе обладает бытием, и действует само по себе. То же, что не обладает бытием само по себе, не обладает само по себе и действием; ведь не тепло само по себе греет, а теплое. Итак, ясно, что интеллектуальное начало, посредством которого человек познает, обладает бытием, возвышающимся над телом и не зависящим от тела.

Ведь ясно, что такого рода интеллектуальное начало не есть нечто, составленное из материи и формы, поскольку виды принимаются в него всецело нематериально, что проясняется из того, что интеллект имеет дело с универсалиями, которые рассматриваются отвлеченно от материи и материальных условий. Следовательно, остается заключить, что интеллектуальное начало, посредством которого человек познает, есть форма, обладающая бытием; поэтому – необходимым образом – оно неразруσιμο; и это то, что говорит Философ – что интеллект есть нечто божественное и вечное.

Но в предыдущих вопросах показано, что интеллектуальное начало, посредством которого человек познает, не есть некая отдельная субстанция, а нечто, присущее человеку в качестве формы, которая есть душа или часть души, поэтому остается заключить из сказанного, что душа человека неразрушима.

Все же те, кто полагал, что человеческая душа разрушается, принимали некоторые предпосылки. Некоторые, полагающие, что душа есть тело, считали, что она не есть форма, а нечто составленное из материи и формы. Другие же, полагающие, что интеллект не отличается от чувства, считали, как следствие, что он обладает действием только благодаря телесным органам, и таким образом, не обладает бытием, возвышающимся над телом; поэтому он не есть форма, обладающая бытием. Иные же полагали, что интеллект, посредством которого человек познает, есть отделенная субстанция. Все это ложно, как показано выше [в других вопросах]. Поэтому остается заключить, что человеческая душа неразрушима.

Знак, указывающий на это, можно найти в двух [свидетельствах]. Во-первых, из части интеллекта: поскольку то, что разруσιμο само по себе, неразруσιμο, когда воспринимается интеллектом. Ведь интеллект схватывает вещи универсально, а согласно этому способу [схватывания] не происходит их разрушения. Во-вторых, из природного желания, которое не может быть тщетным ни в чем. Ведь мы видим, что людям присуще желание быть вечно. И это вполне разумно: поскольку, раз само бытие по себе желаемо, надлежит, чтобы познающему, который схватывает бытие просто, а не здесь и теперь, желалось бытие как таковое и соответствующее всякому времени. Поэтому кажется, что это желание не тщетно, а человек, согласно интеллектуальной душе, неразрушим⁸.

1. Итак, относительно первого следует сказать, что Соломон⁹ говорит в книге Премудрости как бы провоцируя¹⁰, то от лица мудрого, то от лица глупого; указанное же слово говорится от лица глупого. Или же можно сказать, что говорится “одна гибель у людей и скота” относительно разрушения составного, поскольку и то и другое происходит посредством отделения души от тела; но надлежит, чтобы после отделения сохранялась душа человеческая, а не душа скотов.

2. Относительно второго следует сказать, что если человеческая душа и душа скотов устанавливались бы в роде сущностным образом, то последовало бы, что они были бы в различных родах, согласно природному рассмотрению родов. Ведь в таком случае разрушимо и неразрушимо необходимо различаться по роду, хотя в некотором смысле они могут сходиться в общее, поэтому и могут быть в одном роде, согласно логическому рассмотрению. Но тогда душа находится в роде не как вид, но как часть вида. И то и другое же составное разруσιμο: как то, частью чего является человеческая душа, так и то, частью чего является душа скотов; и поэтому ничто не запрещает быть им в одном роде.

3. Относительно третьего следует сказать, как говорит Августин: истинное бессмертие есть истинная неизменность. Неизменность же, относящаяся к выбору, то есть не могущую измениться из благого ко злему, и душа, и ангелы имеют по благодати.

4. Относительно четвертого следует сказать, что бытие сопоставляется с формой как то, что следует ей сущностным образом, а не как действие со способностью деятеля, например движение со способностью движущего. Следовательно, если нечто могло бы двигаться в течение

бесконечного времени, это показывало бы бесконечность способности движущего; однако то, что нечто могло бы быть бесконечное время, не показывает бесконечность формы, благодаря которой оно существует. Как и то, что двоичность есть всегда, не указывает на ее бесконечность. Скорее же то, что нечто существует в течение бесконечного времени, показывает бесконечную силу того, кто является причиной ее бытия.

5. Относительно пятого следует сказать, что разрушимое и неразрушимое – сущностные предикаты, поскольку они следуют сущности как началу формальному или материальному, а не как действующему началу. Но действующее начало вечности каких-либо вещей – вне их.

6. Из этого ясно решение шестого.

7. Относительно седьмого следует сказать, что душа имеет способность существовать всегда, но она не всегда обладала этой способностью. И поэтому надлежит не то, чтобы она всегда была, а чтобы никогда не прекращалась в будущем.

8. Относительно восьмого следует сказать, что душа называется формой тела, поскольку она есть причина жизни, так как форма есть начало существования: жить же для живущего – значит существовать, как говорит Философ во второй книге “О душе”¹¹.

9. Относительно девятого следует сказать, что душа есть такая форма, которая имеет бытие, не зависящее от того, чья она форма, – на что указывает ее деятельность, как сказано.

10. Относительно десятого следует сказать, что хотя душа есть форма по своей сущности, однако нечто может и ей соответствовать настолько она есть такая-то форма, то есть форма субсистирующая, но не соответствует ей, насколько она есть форма. Так, познание подходит человеку не потому, что он есть живое существо, хотя человек является живым существом, согласно его сущности.

11. Относительно одиннадцатого следует сказать, что хотя душа и тело сходятся в одно человеческое бытие, однако это бытие дается телу от души так, что человеческая душа сообщает телу его бытие, в котором оно субсистирует, что показано в предыдущих вопросах; и поэтому, если отделить тело, все же останется душа.

12. Относительно двенадцатого следует сказать, что чувственная душа у животных разрушима; но у человека, поскольку она есть в одной и той же субстанции с разумной душой, – неразрушима.

13. Относительно тринадцатого следует сказать, что человеческое тело есть материя, пропорциональная человеческой душе в отношении ее действий; но разрушение и другие недостатки привходят от необходимости материи, как указано выше. Или же можно сказать, что разрушение привходит в тело из-за прегрешения, а не от первоначального установления природы.

14. Относительно четырнадцатого следует сказать: то, что Философ говорит – не существует познания без фантазмов, – понимается относительно состояния настоящей жизни, в которой человек познает посредством души; способ же познания у отделенной души будет другим.

15. Относительно пятнадцатого следует сказать, что хотя человеческая душа не достигает того способа познания, которым познают выс-

шие субстанции, однако доходит некоторым образом до познания, которого достаточно для показания ее неразрушимости.

16. Относительно шестнадцатого следует сказать, что хотя немногие доходят до совершенства познания, однако к некоторому познанию приходят все. Ведь ясно, что первые основания доказательств суть общие понятия души, которые принимаются интеллектом.

17. Относительно семнадцатого следует сказать, что грех полностью устраняет благодать, но ничего не отнимает от сущности вещи. Однако отнимает нечто от склонности или способности к благодати – в той мере, в какой грех привносит нечто от противоположной расположенности, ведь говорится: “отнимать не что от природного блага”, то есть от способности к благодати. Однако ничто не уничтожает все природное благо, поскольку всегда остается возможным по отношению к противоположенным расположениям, хотя все более и более отделенная от действительности.

18. Относительно восемнадцатого следует сказать, что душа, даже чувственная, не ослабевает, когда ослабевает тело; что ясно из того, что Философ говорит в первой книге “О душе”: если старик получил бы глаз юноши и он бы видел так же, как и юноша¹². Из этого ясно, что слабость действия происходит из-за слабости не души, а органа.

19. Относительно девятнадцатого следует сказать: то, что из ничего, может вернуться в ничто, если не сохраняется рукой Управляющего. Но не из-за этого нечто называется разрушимым, а из того, что имеет в себе некое начало разрушения. И в этом смысле “разрушимое” и “неразрушимое” – сущностные предикаты.

20. Относительно двадцатого следует сказать, что хотя душа, которая есть причина жизни, неразрушима, однако тело, которое принимает жизнь от души, является субъектом изменений. И поэтому оно отклоняется от расположенности, благодаря которой оно способно к восприятию жизни. И таким образом происходит разрушение человека.

21. Относительно двадцать первого следует сказать, что душа, хотя она могла бы быть сама по себе, однако не имеет сама по себе вида, поскольку есть часть вида.

¹ Аристотель. Метафизика. 1058b 26 // Собр. соч.: В 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 271.

² Аристотель. Физика. 266a 12 // Там же. М., 1981. Т. 3. С. 258–259.

³ Аристотель. Метафизика. 1958b 32–1059a 10. С. 271.

⁴ Аристотель. О душе. 431a 16 // Там же. Т. 1. С. 438.

⁵ Аристотель. Физика. 187b 26. С. 69.

⁶ Аристотель. О душе. 413b 25. С. 398.

⁷ Там же. 429a 24. С. 433–434.

⁸ В “Сумме против язычников” этот довод встраивается в другую линию аргументации: “Невозможно, чтобы естественное желание оставалось бы тщетным. Но человек естественным образом желает оставаться в вечности. Это ясно из того, что существование есть то, что желаемо всеми вещами. Более того, человек постигает существование интеллектуально, не просто существование “здесь и теперь”, как можно сказать о постижении существования животными, но существование как таковое. Следовательно, человек достигает вечного существования в своей душе, которой он постигает существование

как таковое и без временного ограничения” (с. с. Г. II, 79). Этот аргумент восходит к тезису Аристотеля: “Природа никогда не действует понапрасну”. О небе. 271a 33. Сертийянж так интерпретирует этот аргумент: «Положение “сущее, которое обладает таким желанием, погибнет” по меньшей мере самопротиворечиво; ведь оно утверждает, с одной стороны, что это сущее принадлежит некоему миру, в котором смерть не имеет никакого смысла, но, с другой стороны, прибавляется: тем не менее оно подлжит закону другого мира, а именно мира временного становления; таким образом этот мир имеет это сущее в своей власти, и оно не есть сущее, обладающее чистым познанием и вневременным желанием, что мы утверждали ранее». *Sertillanges A.D. Der Heilige Thomas von Aquin. Köln; Olsten, 1954. S. 474.*

Многие комментаторы Библии полагают, что Екклизиаст – сочинение Соломона, поскольку автор этой книги называет себя сыном Давида (1, 1).

quasi concionator – букв. как бы “возмутитель”, “возбудитель”.

Аристотель. О душе. 415b 13. С. 402.

Аристотель. О душе. 408b 21. С. 386.